

Мишель Фуко

История
сексуальности 3

Забота
о себе

18+

Ad Marginem

Мишель Фуко
История сексуальности
3. Забота о себе
Серия «Фуко. История
сексуальности», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74067332

*История сексуальности 3. Забота о себе: Ад Маргинем Пресс; Москва;
2026*

ISBN 9785908038928

Аннотация

«Забота о себе» стала последней прижизненной публикацией Мишеля Фуко и в некотором смысле его философским завещанием. Предмет исследования – генеалогия «человека желания» или морального субъекта, столкнувшегося на определенном этапе своего развития с проблемой полового поведения. Анализируя ряд греческих и латинских источников первых двух веков нашей эры (сочинения Артемидора, Галена, Псевдо-Лукиана и др.), Фуко приходит к выводу, что можно мыслить мораль независимо от иудео-христианской концепции греха, в которой желание оказывается заведомо виновным и подлежащим осуждению. Античные медики и моралисты создали иной вариант этики, по существу индивидуальный

и связывающий добродетель со «стилем существования», «искусством жить» или «культурой себя», ядро которой составляют не запреты, а позитивные ценности. Еще одним важным мотивом третьего тома «Истории сексуальности» является набросок связи между этой античной этической традицией и христианской моралью, вобравшей в себя и радикально переосмыслившей некоторые ее элементы.

Содержание

I. Грезить о своих удовольствиях	6
I. I. Метод Артемидора	8
I. II. Анализ	29
I. III. Сон и действие	42
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Мишель Фуко
История сексуальности
3. Забота о себе

© Editions GALLIMARD, Paris, 1984

© Алексей Гараджа (РГГУ), перевод, 2025

© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2026

* * *

I. Грезить о своих удовольствиях

Я начну с разбора одного достаточно своеобразного текста. Это своего рода «практическое» руководство, ориентированное на повседневную жизнь, а не собрание рассуждений или морально-нравственных предписаний. Это единственный из сохранившихся от той эпохи текстов, где обнаруживается что-то похожее на систематическую сводку различных возможных форм половых актов. В отношении этих актов наш текст, как правило, не выносит каких-либо прямых и однозначных моральных суждений, однако позволяет рассмотреть принятые в общем и целом оценочные схемы. И можно констатировать, что схемы эти весьма близки общим принципам, которые уже в классическую эпоху организовывали моральный опыт *афродисий* (ἄφροδίσια)•. Книга Артемидора, таким образом, может служить ориентиром. Она свидетельствует о чем-то прочно установившемся, о способе мыслить, вошедшем в обычай. По этой причине она позволит нам определить, что же особенное и в чем-то новое могло содержаться в философской или медицинской рефлексии той же эпохи по поводу удовольствий и полового поведения.

• *Греч.* любовные утехы, секс. Греческие слова и понятия, приводимые автором, даются в переводе этого тома «Исто-

рии сексуальности» не в латинской транслитерации, как во французском оригинале, а в греческом написании; центральное понятие этого тома – *афродиси́и* – дается кириллицей, выделенной курсивом. – *Жирными точками здесь и далее обозначены примечания переводчика.*

І. І. Метод Артемидора

«Сонник» Артемидора – единственный текст, сохранившийся в полном объеме от богатейшей в Античности литературы, посвященной онейрокритике. Сам Артемидор, писавший во II веке н. э., цитирует множество сочинений (в том числе уже овеянных древностью), которые были в ходу в его время: Никострата Эфесского¹ и Паниасида Галикарнасского², Аполлодора Тельмесского³, Феба Антиохийского⁴, Дионисия Гелиопольского⁵, естествоиспытателя Александра Миндского⁶; с похвалой отзывается он об Аристандре

¹ Артемидор. Сонник. I. 2. [Цитаты из древних авторов приводятся в переводе с языка оригинала, греческого или латыни, с учетом актуальных изданий соответствующих текстов, но в первую очередь – русских переводов, при необходимости скорректированных. В указателе (наст. изд., с. 239–243) приведены издания источников, которыми пользовался автор, их актуальные издания и опубликованные русские переводы. Если не указано иное, мы приводим цитаты либо по этим последним, либо, при отсутствии русской версии, в нашем переводе. Неточности в ссылках на конкретные места в источниках, имеющиеся во французском оригинале, исправлены. – *В квадратных скобках здесь и далее приводятся примечания переводчика.*]

² Там же. I. 2; I. 64; II. 35.

³ Там же. I. 79

⁴ Там же. I. 2; II. 9; IV. 48; IV. 66.

⁵ Там же. II. 55.

⁶ Там же. I. 67; II. 9; II. 66.

Тельмесском⁷, ссылается также на три книги трактата Гемина Тирского, на пять книг Деметрия Фалерского и на двадцать две – Артемона Милетского⁸.

Обращаясь к тому, кому посвящена его работа, к некоему Кассию Максиму – возможно, это Максим Тирский либо его отец⁹, – который подвигнул его «не обрекать молчанию свою мудрость», Артемидор утверждает, что «ничем иным не занимался, а только денно и ночью прилежал к снотолкованию»¹⁰. Эмфатическое утверждение, вполне обычное для такого рода предисловий? Возможно. В любом случае Артемидор не просто скомпилировал наиболее известные примеры сновидческих предсказаний, подтвержденных реальностью. Он взялся написать сочинение с выходом на метод, причем в двойном смысле: книга задумана как некое пособие для использования в повседневной практике и в то же время – как теоретический трактат о правильных процедурах истолкования.

Не следует забывать, что анализ сновидений составлял одну из техник выживания. Поскольку образы сновидений – по крайней мере некоторые – рассматривались как знаки реальности или сообщения о будущем, большая ценность при-

⁷ Там же. I. 31; IV. 23–24.

⁸ Там же. I. 2; II. 44.

⁹ Ср.: *Festugière A.-J.* Introduction à la traduction française // Artémidore. *La Clef des songes / traduction française par A.-J. Festugière.* Paris, 1975. P. 9; а также: *Behr C. A.* *Aelius Aristides and «the Sacred Tales».* Amsterdam, 1968. P. 181 sq.

¹⁰ Артемидор. Сонник. IV. Вступление; II. 70 [пер. М. Гаспарова с изм.].

давалась их расшифровке: для разумной жизни уклонение от этой задачи было невозможным. То была очень древняя народная традиция, а в образованных кругах – укоренившаяся привычка. Если нужда заставляла обращаться к бесчисленным специалистам, работавшим с ночными видениями, неплохо было уметь и самому толковать эти знаки. Несметное множество свидетельств показывает, какое значение придавалось анализу сновидений как жизненной практике, причем не только при каких-то чрезвычайных обстоятельствах, но и в обыденной каждодневной действительности. Потому что во сне боги дают советы, наставления, а порой и четкие приказы. И даже когда сновидение только возвещает о каком-то событии, ничего не предписывая, даже если мы верим в неизбежность наступающего будущего, всё же хорошо заранее знать о том, что должно произойти, чтобы иметь возможность к этому подготовиться. Ахилл Татий говорит в «Левкиппе и Клитофонте» следующее: «Божество любит являться нам ночью и приоткрывать завесу над нашим будущим, не для того, однако, чтобы мы сумели уберечь себя от него (ведь людям не под силу справиться с роком), но для того, чтобы с большим смирением мы к нему отнеслись. Ведь всё, что обрушивается на человека неожиданно, ошеломляет его душу своей внезапностью и погружает ее в безысходность, если же люди исподволь готовят себя к страданию, пусть еще даже не испытанному, то острота его

понемногу притупляется»¹¹. Позднее Синезий передаст совершенно традиционную точку зрения, когда напомним, что сновидения – это оракул, который всегда «пребывает с нами»: «если отправились в странствия – и он за нами последовал; воюем – и он с нами; принялись за городские дела, занялись земледелием или торговлей – и он с нами»; грезу надо воспринимать как «пророчицу, которая всегда наготове, добрая советчица и не сорит словами»; поэтому и следует прилежать к толкованию своих сновидений нам всем – «женщинам и мужчинам, старикам и юношам, бедным и богатым, частным гражданам и магистратам, горожанам и деревенским, ремесленникам и риторам: здесь не важны ни пол, ни возраст, ни положение в обществе, ни ремесло»¹². В таком духе и пишет Артемидор свой «Сонник».

Главное для Артемидора – детально расписать читателю, как именно ему следует действовать: как приступить к разбивке сновидения на составные элементы и, далее, к установлению его диагностического смысла; как можно истолковать его в целом, исходя из этих элементов, но в то же время учитывая это целое при расшифровке каждой части. Знаменательна параллель, которую Артемидор проводит с дивинаторной техникой жрецов, которые тоже «знают, как толковать каждую отдельную приметку, но окончательное решение выносят столь же по совокупности примет, сколь и по каж-

¹¹ Ахилл Татий. Левкиппа и Клитофон. I. 3.

¹² Синезий. О сновидениях. 12. 5–13. 1 [пер. Т. Сидаша с изм.].

дой в отдельности»¹³. Таким образом, речь идет о трактате, *обучающем толкованию*. Почти целиком сосредоточенная не на пророческих чудесах сновидений, а на τέχνη, искусстве, позволяющем заставить их говорить правильно, книга эта адресована нескольким категориям читателей. Артемидор хочет предложить инструмент для специалистов-аналитиков и профессионалов; таково чаяние, которым он надеется вдохновить своего сына, адресата четвертой и пятой книг: «Написанное в этой книге, пока она находится только у тебя, сделает тебя лучшим из всех снотолкователей»¹⁴. Равным образом в намерения его входит оказать помощь тем, кто, разочаровавшись в каких-то случайно опробованных ложных методах, чувствует искушение и вовсе отказаться от этой столь ценной практики: против таких заблуждений книга эта послужит спасительным средством – θεραπεία σωτηριώδης¹⁵. Но беспокоится Артемидор и о рядовом читателе, нуждающемся в самом базовом наставлении. В любом случае он хотел подать свою книгу как руководство для жизни, как инструмент, готовый к применению в любых жизненных обстоятельствах, стараясь увязывать свои толкования с тем, как разворачивается реальное существование: «как реальные события следуют в определенном порядке, так же и

¹³ Артемидор. Сонник. I. 12; III. 66 [пер. Э. Юнца с изм.].

¹⁴ Там же. IV. Вступление.

¹⁵ Там же. I. Вступление.

во сне можно уловить определенную последовательность»¹⁶.

Этот характер «руководства для повседневной жизни» особенно чувствуется, если сравнить Артемидоров текст со «Священными речами» Аристида, этого беспокойного больного, который провел годы, ловя вести от бога, посылавшего ему сновидения на протяжении всего срока его болезни с ее необычайными перипетиями и несчетными попытками лечения, им предпринимавшимися. Можно заметить, что в труде Артемидора почти нет места каким-либо религиозным чудесам, как нет и, в отличие от многих других работ данного жанра, зависимости от культовой терапии, пусть автор и взывает, прибегая к традиционной формуле, к Аполлону Далдийскому, «отеческому богу», который не раз побуждал его сесть за книгу и даже «воистину стоит надо мною и едва ли не прямо повелевает мне писать»¹⁷. Артемидор не упускает случая отметить отличие своего труда от работ таких снотолкователей, как Гемин Тирский, Деметрий Фалерский и Артемон Милетский, которые передавали «предписания и исцеления, полученные от Сараписа»¹⁸. Типичный сновидец, к которому обращается Артемидор, – это не тревожный богомолец, озабоченный исполнением приказов, поступающих свыше. Это «обычный» индивид, чаще всего мужчина (сновидения женщин идут дополнительной статьей, как

¹⁶ Там же. III. 66.

¹⁷ Там же. II. 70.

¹⁸ Там же. II. 44.

возможные варианты в случаях, когда пол субъекта может изменять смысл сновидения); мужчина, у которого есть семья, состояние, нередко и свое дело (он занимается торговлей, владеет лавкой); часто у него есть также слуги и рабы (но отмечается и случай, когда таковые отсутствуют). И его главные заботы, не считая здоровья, – это жизнь и смерть близких, успех его предприятий, его обогащение и разорение, женитьба детей, должности, которые он может получить в городском управлении. Короче говоря – среднестатистический обыватель. Текст Артемидора раскрывает типичный образ жизни и заботы, свойственные обычным людям.

Но в книге налицо и теоретическая задача, раскрываемая Артемидором в посвящении Кассию: он хочет возразить противникам снотолкования; хочет убедить скептиков, не верящих во все те формы дивинации, при помощи которых пытаются разгадать знаки, предсказывающие будущее. И обосновать свои убеждения Артемидор стремится не простой демонстрацией полученных результатов, а в ходе продуманного и аргументированного изложения метода исследования.

Артемидор не собирается игнорировать тексты своих предшественников: он потрудился их прочитать – но не для того, чтобы просто скопировать, как это часто делается; к «уже сказанному» его привлекает не столько стремление опереться на признанный авторитет, сколько широта и разнообразие опыта, который можно там обнаружить. И этот

опыт он считал себя обязанным искать не только в трудах нескольких маститых авторов, но и непосредственно там, где он формируется. Артемидор гордится (он говорит об этом в посвящении Кассию Максиму и повторяет позже) широтой своих изысканий. Он не только сличал целую тьму сочинений на тему снотолкования, но и лично наведывался в заведения чтецов снов и предсказателей будущего на многих перекрестках средиземноморского мира. «Я же, во-первых, почитал делом чести добыть любую книгу о снотолкованиях, а во-вторых, я много лет, пренебрегая клеветой, водился с теми оболганными рыночными гадалателями, которых люди важные и надменные обзывают нищими, обманщиками и шутами; и в эллинских городах, и на праздничных собраниях, и в Азии, и в Италии, и на самых больших и людных островах я терпеливо выслушивал рассказы о древних вещих снах и их исполнении, ведь в таких исследованиях нельзя было и действовать иначе»¹⁹. Однако собранный материал Артемидор не собирается передавать в сыром виде, а хочет подвести под «опыт» (πεῖρα), который в его глазах – «свидетель и направитель» всего, что он говорит²⁰. Это значит, что он намерен контролировать сведения, на которые ссылается, путем сличения с другими источниками, сопоставления с собственной практикой и, наконец, проверки с точки зрения логики и доказательности, чтобы ничего из сказанно-

¹⁹ Артемидор. Сонник. I. Вступление.

²⁰ Там же. II. 70.

го не «повисло в воздухе», оказавшись «пустой догадкой». Мы узнаем методы исследования, понятия – среди которых *ἱστορία* и *λεῖρα* – и формы контроля и «верификации», которые характеризовали аккумуляцию знания, осуществлявшаяся в ту эпоху естествознанием и медициной под более или менее непосредственным влиянием скептической школы мышления²¹. Текст Артемидора – значительный задел для всестороннего осмысления объемного корпуса документированной традиции.

Имея дело с подобным документом, не стоит искать в нем формулировок некой суровой морали или начатков каких-то новых стандартов полового поведения. Скорее, он лишь предоставляет указания на текущие способы оценки и общепринятые установки. Философская рефлексия определенно присутствует в этом тексте, и в нем заметны достаточно прозрачные отсылки к современным ему проблемам и дискуссиям; однако отсылки эти касаются методов расшифровки и анализа, но не оценочных суждений и моральных кодексов. Материал, к которому применяются толкования, онейрические сцены, которые они трактуют в качестве предзнаменований, ситуации и события, которые они

²¹ Р. Д. Уайт в своем введении к английскому изданию Артемидора (New Haven, 1971) отмечает несколько показателей влияния на Артемидора философии эмпиризма и скептицизма. Однако А. Х. М. Кесселс утверждает, что Артемидор был исключительно практиком, работавшим только с конкретным сновидением, какое ему изо дня в день попадалось (*Kessels A. H. M. Ancient Systems of Dream Classification // Mnemosuné. 1969. P. 391*).

возвещают, – всё это входит в общеразделяемый и традиционный ландшафт. Таким образом, от этого текста Артемидора можно ждать свидетельств о некоторой достаточно распространенной и, должно быть, достаточно давно укоренившейся моральной традиции. Но нужно иметь в виду, что текст этот, пусть он пестрит подробностями, предлагает в контексте сновидений картину всевозможных половых актов и отношений, более систематическую, чем рисует любая другая работа той же эпохи, всё же никоим образом не является, строго говоря, трактатом о морали, каковой ставил бы своей первостепенной задачей формулировку суждений по поводу этих актов и отношений. Лишь опосредованно, через расшифровку сновидений, можно распознать какие-либо оценки в отношении сцен и актов, представленных в тексте. Принципы какой-либо морали как таковые не предлагаются, опознать их можно лишь в самих ходах и поворотах анализа – путем истолкования истолкований. Это побуждает ненадолго остановиться на методах расшифровки, пускаемых в дело Артемидором, чтобы затем расшифровать мораль, лежащую в основе его аналитики сексуальных сновидений.

1. Артемидор различает две формы ночных видений. Есть ἐνύπνια – сны, отвечающие текущим переживаниям субъекта, те, что «имеют свойство возвращаться, вновь возникать в душе»: кто-то влюблен, желает присутствия объекта люб-

ви, и вот во сне тот является; кто-то оголодал, испытывает нужду поесть, и вот во сне он начинает насыщаться; а то еще снится «объевшемуся – что его рвет или что его душат»²²; или тому, кто страшится врагов, снится, что те его окружают. Такая форма сновидения исполняет простейшую диагностическую функцию: она фиксирует текущее положение вещей (от настоящего к настоящему), показывает спящему субъекту его состояние, являет нехватку или избыток на телесном уровне либо страх или желание на уровне души.

Другое дело – сны, называемые ὄνειροι. Их природу и функцию Артемидор с легкостью раскрывает при помощи трех предлагаемых им «этимологий». Ὀνειρος – это то, что τὸ ὄν εἶρειν, «вещает то, что есть», то, что уже вплетено в цепочку времени и осуществится как событие в более или менее близком будущем. Это и то, что действует на душу, возбуждает ее – ὀρεῖναι; сон изменяет душу, лепит, образует ее; сон создает для нее настроения, вызывает в ней движения, соответствующие тому, что ей показывается. Наконец, в слове ὄνειρος угадывается имя Ира, бродяги-нищего с Итаки, который передавал порученные ему сообщения²³. Итак, ἐνύπνιον и ὄνειρος в конечном счете различаются почленно: один говорит об индивидуе, другой – о событиях в мире;

²² Артемидор. Сонник. I. 1.

²³ Там же [в тексте Артемидора ненормативное ὀρεῖναι вместо ὀρίναι – в его время εἶ давно уже перестало произноситься как дифтонг; английский переводчик Фуко Роберт Хёрли споткнулся об это слово, передав ορεῖναι в тексте Фуко как ονειραι]. Ср.: Гомер. Одиссея. XVIII. 7.

один проистекает из состояний тела и души, другой предвосхищает развертывание цепочки времени; один являет игру избытка и недостатка в сфере желаний и отвращений, другой подает знак душе и в то же время ее образует. С одной стороны, грезы желания высказывают реальность души в ее текущем состоянии; с другой стороны, бытийные сны высказывают будущие события миропорядка.

Второе разделение вводит еще одно различие в каждой из двух категорий «ночного видения»: что-то показывается ясно, прозрачно, не требуя расшифровки и толкования, а что-то преподносится лишь в образах, которые передают нечто иное, чем кажется на первый взгляд. В сновидениях «состояния» желание может обнаруживаться в легко узнаваемом присутствии своего объекта (снится желанная женщина), но может обнаруживаться и в каком-то другом образе, более или менее отдаленно связанном с тем же объектом. Аналогичное различие в снах «событийных». Какие-то напрямую знаменуют, показывают само событие, каковое уже существует в модусе грядущего: например, кому-то снится, что тонет корабль, на котором он вскоре потерпит крушение; а кто-то видит, как его поражает оружие, которым он будет ранен завтра. Такие сны называются «теорематическими» (θεωρηματικοί). Но в других случаях отношение образа к событию не прямое. Например, образ судна, разбивающегося о рифы, необязательно означает кораблекрушение или даже просто какое-то несчастье: если рабу снится подоб-

ное, это может сулить ему близкое освобождение. Это «аллегорические» сны.

Зазор между двумя этими различиями представляет практическую проблему для толкователя. Допустим, нечто увидено во сне: как распознать, имеем ли мы дело со сновидением состояния или с событийным сном? Как определить, прямо ли сообщает образ то, что показывает, или следует допустить, что он выражает что-то другое? Упоминая об этом затруднении на первых страницах книги IV (написанной после трех первых), Артемидор подчеркивает первостепенную важность задачи изучения самого грезящего субъекта. Совершенно ясно, объясняет он, что сновидения состояния не могут образоваться у душ «добродетельных», поскольку таковые сумели обуздать свои неразумные порывы, а значит, и свои страсти – вожделение и страх; они также умеют поддерживать свои тела в равновесии между нехваткой и избытком; стало быть, им чужды расстройств, а значит, и те «сновидения» (ἐνύπνια), которые всегда следует понимать как проявления аффектов. Между прочим, и у моралистов была популярна идея, что добродетель знаменуется прекращением сновидений, которые выражают собой позывы или произвольные порывы души и тела. «Ведь и сновидения спящих бывают не менее бурными, чем их дни», – пишет Сенека²⁴. Плутарх, ссылаясь на Зенона, называл признаком продви-

²⁴ Сенека. Нравственные письма к Луцилию. 56. 6 [здесь и далее цит. по пер. С. Ошерова].

жения вперед, когда человек перестает получать во сне удовольствие от каких-либо позорных действий. И он говорил о тех, кто в часы бодрствования обладают достаточной силой, чтобы бороться со своими страстями и им сопротивляться, однако ночью, «презрев чужие мнения и законы», забывают стыд, и тогда пробуждается в них всё безнравственное и беспутное²⁵.

С точки зрения Артемидора, во всяком случае, сны состояния, когда они случаются, могут принимать две формы: для большинства людей вождение и отвращение проявляют себя в таких снах прямо и не таясь; однако у тех, кто умеет толковать собственные сновидения, эти вещи проявляются только посредством знаков: душа их «по-хитрому играет с ними». Так, человек неопытный в снотолковании увидит во сне женщину, которую желает, или вождленную смерть хозяина. А вот душа знатока, недоверчивая или наученная, в каком-то смысле откажется являть ему состояние желания, в котором он пребывает; она прибегнет к хитрости, и, как следствие, вместо того чтобы увидеть просто желанную женщину, сновидец увидит образ чего-то, что ее обозначает: «лошадь, зеркало, корабль, море, животное женского пола, женскую одежду». В качестве примера Артемидор рассказывает о художнике из Коринфа с душой, бесспорно сведушей, который увидел во сне, как рушится крыша его дома, а ему самому отсекают голову; здесь можно было бы усмот-

²⁵ Плутарх. Quomodo quis suos in virtute sentiat profectus. 12.

реть знак будущего события, но на деле это был сон состояния: человек тот желал смерти своему хозяину – который по-прежнему здравствует, вскользь замечает Артемидор²⁶.

Что касается вещих снов, то как и здесь отделить прозрачные и «теорематические» от тех, что путем аллегории возвещают некое событие, отличное от того, что они показывают? Если оставить в стороне необычные образы, явно требующие толкования, те, что открыто предвещают какое-либо событие, сразу же подкрепляются реальностью: событие следует за ними безотлагательно; теорематический сон вплотную смыкается с тем, что он возвещает, не оставляя истолкованию ни возможной зацепки, ни обязательного зазора во времени. Поэтому аллегорические сны легко опознаются по тому, что не сбываются сразу: тогда-то и следует ловить момент для их истолкования. Добавим еще, что добродетельные души – те, у которых не бывает грез, а только вещие сны, – чаще всего испытывают лишь ясные видения теорематических снов. Артемидору нет нужды объяснять такую привилегию: с чистыми душами боги общаются напрямую – так гласила традиция. Вспомним, что говорит Платон в «Государстве»: «Успокоив эти два вида свойственных ему начал [вожделирующее и яростное] и приведя в действие третий вид – тот, которому присуща разумность, – человек предастся отдыху. Ты знаешь, что при таких условиях он, скорее

²⁶ Артемидор. Сонник. IV. Вступление [пер. И. Левинской с изм.].

всего, соприкоснется с истиной»²⁷. И в романе Харитона Афродисийского в момент, когда Каллироя наконец близка к завершению своих испытаний и когда ее долгая борьба за сохранение своей добродетели вот-вот будет вознаграждена, она видит «теорематический» сон, который предвосхищает конец романа и представляет собой одновременно предсказание и обещание со стороны ее богини-защитницы: «Каллироя увидела себя во сне еще девушкой в Сиракузах: будто входит она в святилище Афродиты и будто, возвращаясь оттуда обратно, встречает Херея. Приснился ей и день ее свадьбы: горожане в венках и провожающие ее в дом жениха отец с матерью»²⁸.

Можно составить следующую таблицу, отражающую установленные Артемидором соотношения между типами сновидений, их способами обозначения и модусами бытия субъекта:

В самой последней ячейке таблицы – в случае аллегорических событийных снов, какие имеют место у обычных душ, – и очерчивается область приложения *онейрокритики*. Именно в этом случае толкование возможно, поскольку такие видения не прозрачны, но пользуются одним образом для передачи другого; и именно здесь толкование полезно, поскольку дает возможность подготовиться к событию, ко-

²⁷ Платон. Государство. IX. 572a – 572b.

²⁸ Харитон. Повесть о любви Херея и Каллирои. V. 5 [пер. И. Толстого с изм.].

торое исполняется не сразу.

2. Расшифровка онейрической аллегии осуществляется при помощи аналогии. Артемидор не раз возвращается к этой мысли: искусство снотолкования основано на законе подобия; оно активно применяет «сопоставление подобного с подобным»²⁹.

Артемидор задействует аналогию на двух уровнях. Прежде всего, в ход идет естественная аналогия между образом сна и элементами будущего, которые он возвещает. Для раскрытия этого сходства Артемидор использует разные доводы: качественное тождество (если снится дурнота, это может означать «дурное состояние» здоровья или доходов в будущем; если грязь – значит, тело будет переполнено вредоносными веществами); вербальное тождество (баран означает владычество в силу игры слов κριός – κρείων³⁰); символическое родство (если снится лев – для атлета это знак победы; снятся ненастья – знак несчастья); наличие поверья, народной поговорки, мифологической темы (медведь означает женщину из-за аркадиянки Каллисто³¹); или еще принадлежность к одной экзистенциальной категории: вот почему же-

²⁹ Артемидор. Сонник. II. 25 [пер. М. Гаспарова с изм.].

³⁰ Там же. II. 12. Ср.: *Artémidore. La Clef des songes*. Op. cit. P. 112, n. 5 [в тексте Артемидора нигде больше не зафиксированный глагол κρείειν, который, как предполагает в данном примечании Фестюжьер, автор придумал ad hoc, отгаливаясь от существительного κρείων, «владыка»].

³¹ Там же. II. 12.

нитьба и смерть могут обозначать друг друга в сновидении, поскольку обе рассматриваются как *тélос*, как свершение (цель или предел) жизни³²; схожесть церемониальных практик («жениться на девице для больного предвещает смерть, потому что с женихом происходит всё то же, что и с покойником»³³).

Добродетельные души		Сны состояния		Сны событийные	
		Прямые	Знаковые	Теорематические	Аллегорические
		Никогда		Как правило	
Обычные души	Сведущие		Как правило		
	Несведущие	Как правило			Как правило

Также есть ценностная аналогия, и здесь мы затрагиваем ключевой момент, поскольку функция снотолкования – определять, будут ли грядущие события благоприятны или нет. Вся область означаемого сна в тексте Артемидора размечена бинарным разграничением между добрым и дурным, благоприятным и пагубным, счастливым и злополучным. И тогда встает вопрос: как может представляемое во сне действие своей собственной ценностью знаменовать имеющее случиться событие? Общий принцип прост. Сон сулит благо-

³² Там же. II. 49; II. 65.

³³ Там же. II. 65.

приятный исход, если само представляемое в нем действие – благое. Но как измерить эту ценность? Артемидор предлагает шесть критериев. Согласно ли с природой представленное действие? Согласно ли с законом? Согласно ли с обычаем? Согласно ли с τέχνη – то есть с правилами и практиками, позволяющими какому-либо действию достигать своих целей? Согласно ли с временем (то есть совершается ли в нужный момент и при таких же обстоятельствах)? Наконец, как обстоят дела с именем этого действия (носит ли оно имя, которое само по себе – добрый знак)? «Общее мнение гласит, что всё увиденное во сне согласно с природой, законом, обычаем, искусством, именами или временем благоприятно, а всё противоречащее – неблагоприятно и невыгодно»³⁴. Конечно, Артемидор тут же добавляет, что принцип этот не универсален и допускает исключения. Может иметь место своего рода инверсия ценности. Некоторые сны, которые «хороши снаружи», могут быть «дурными внутри»: воображаемое во сне действие благоприятно (например, сон о том, как ты обедаешь с богом, сам по себе позитивен), однако предвещаемое событие негативно (ведь если бог этот – Крон, брошенный в оковы своими сыновьями, то этот образ знаменует, что ты попадешь в темницу)³⁵. Другие сны, наоборот, «дурны снаружи» и «хороши внутри»: если рабу снится, что он на войне, это знаменует его освобождение, поскольку солдат не мо-

³⁴ Там же. IV. 2 [пер. И. Левинской с изм.].

³⁵ Артемидор. Сонник. I. 5.

жет быть рабом. Таким образом, за кругом позитивных либо негативных знаков и означаемых – целое поле всевозможных вариаций. И речь тут идет не о какой-то непреодолимой неопределенности, но о сложно определяемой области, требующей предельного внимания ко всем аспектам сновидческого образа, как и к ситуации, в которой находится сновидец.

Эти несколько затянувшиеся прелиминарии перед тем, как приступить к анализу эротических снов, как он практикуется Артемидором, были необходимы, чтобы уловить механику толкований, а также определить, как оформляются моральные оценки половых актов при мантическом разборе изображающих их сновидений. В самом деле, опрометчиво было бы предъявлять этот текст как прямое документальное свидетельство о ценности или законности самих половых актов. Артемидор не говорит о том, что совершать такое-то действие хорошо или дурно, морально или нет; он говорит лишь о том, насколько хорошо или плохо, благоприятно или опасно, когда тебе снится, что ты его совершаешь. Значит, принципы, которые здесь можно вычлениить, относятся не к самим действиям, а к их зачинателю или, скорее, к сексуальному исполнителю, поскольку тот представляет на онейрической сцене зачинателя сна и тем самым определяет для него предсказание хорошего или дурного исхода. Два главных принципа *онейрокритики* – а именно, что сон «вещает то, что есть» и вещает это в форме аналогии, – разыгрыва-

ются здесь следующим образом: сновидение возвещает событие, удачу или неудачу, преуспевание или несчастье, которые будут характеризовать модус бытия субъекта в реальности, и возвещает это через отношение аналогии с модусом бытия – хорошим или дурным, благоприятным или неблагоприятным – субъекта как исполнителя на сексуальной сцене сновидения. Не стоит искать в этом тексте какого-либо кодекса того, что следует или не следует делать; скорее, в нем проявляется определенная этика субъекта, которая была еще вполне в ходу во времена Артемидора.

І. ІІ. Анализ

Эротическим снам Артемидор посвящает четыре главки³⁶, не считая множества разбросанных в других местах замечаний. Свой анализ он организует на основе различения трех типов половых актов: согласных с законом (κατὰ νόμον), противных закону (παρὰ νόμον) и, наконец, противных естеству (παρὰ φύσιν). Разграничение далеко не четкое: ни один из этих терминов не определен; неизвестно, как указанные категории соотносятся друг с другом и надо ли понимать «противоестественное» как подразделение «противозаконного»; некоторые действия фигурируют сразу под двумя рубриками. Нам и не стоит предполагать здесь строгой классификации, делящей все возможные половые акты на три группы: законные, противозаконные и противоестественные. Тем не менее, если вникнуть в детали этих подразделений, в них просматривается определенная логика.

1. Для начала рассмотрим акты, «согласные с законом». Если оглянуться на эту главку в ретроспективе, кажется, что в ней смешиваются очень разные вещи: измена и брак, посещение проституток, сношения с домашними рабами или рабынями, мастурбация с помощью прислуги. Оставим пока в стороне вопрос о том, какой смысл надо вкладывать в поня-

³⁶ Там же. I. 77–80.

тие согласия с законом, и обратим внимание на одно место из этой главки, достаточно хорошо проясняющее ход анализа. В качестве общего правила Артемидор утверждает, что женщины во сне являются «образами действий, которые случатся со сновидцем, так что какова женщина и в каком она состоянии, в это же состояние приведет сновидца его действие»³⁷. Необходимо понять, что для Артемидора прогностическое значение сна и, таким образом, в каком-то смысле и моральная ценность пригрезившегося действия определяется состоянием партнера или партнерши, а не формой самого действия. Это состояние следует понимать в широком смысле: это и социальный статус «другого», и то, состоит ли он в браке или нет, свободный он или раб, молод он или стар, богат или беден; это и его профессия, и место встречи, и положение, занимаемое «другим» по отношению к сновидцу (супруга, любовница, рабыня, юная содержанка и т. д.). Исходя из этого, можно за кажущимся беспорядком разглядеть последовательность организации текста: порядок здесь определяется потенциальными партнерами, их статусом, их связью со сновидцем, местом, где последний с ними встречается.

Три первых персонажа, упоминаемых в тексте, укладыва-

³⁷ Там же. I. 78. [Пер. М. Гаспарова и Б. Зилитинкевича чересчур лаконичен, обходит молчанием важное для Фуко слово *πράξις*: «женщин мы должны считать подобием того, что приключится со сновидцем (*εἰκόνας εἶναι πράξεων τῶν συμβησομένων τῷ ἰδόντι*): какова женщина видом и поведением (*ὅπως διακεκμένῃ*), таковы и обстоятельства его ждут (*οὕτω καὶ ἡ πράξις διαθήσει*).]

ются в традиционную серию трех категорий женщин, с которыми вступают в отношения: жена, любовница, проститутка. Соединение во сне со своей женой – добрый знак, потому что супруга по естественной аналогии соотносится с ремеслом или занятием сновидца; как и его профессиональная деятельность, его действия в отношении жены являются признанными и законными; как успешное ремесло, эти действия приносят ему выгоду; удовольствие, получаемое от соития с женой, предвещает прибыли, которые принесет ему его ремесло. И между женой и любовницей в этом отношении никакой разницы. Проститутки – другое дело. Предлагаемый Артемидором анализ достаточно курьезен: сама по себе женщина как объект, служащий источником удовольствия, оценивается положительно; проститутки же – те, кого в обиходе порой называют «труженицами», – как раз затем и нужны, чтобы доставлять эти удовольствия, и они «отдаются, не отказывая ни в чем». Однако посещение такого рода женщин сопряжено с «некоторым стыдом» – стыдом и тратой; это, конечно, несколько понижает ценность события, предвещаемого сном, в котором они фигурируют. Но их негативная оценка обусловлена главным образом местом, где занимаются проституцией, причем по двум причинам, одна из которых – языкового характера. Бордель называется термином, обозначающим мастерскую или лавку (ἐργαστήριον), – и это дает положительный призыв, – но называют его также и «местом для всех», «общим местом», как кладбище. Дру-

гая причина касается одного из пунктов, который часто обнаруживается также в половой этике философов и врачей: пустая трата семени, его убыль без прибыли в виде потомства, которое как раз и может обеспечить женщина. Вот две причины, по которым посещение проституток во сне может предвещать смерть.

В дополнение к классической триаде «жена – любовница – проститутка» Артемидор упоминает также случайно встреченных незнакомок. В этом случае ценность сновидения для будущего того, кто его видит, определяется социальной «ценой» представленной в нем женщины: богата ли она, хорошо ли она одета, много ли у нее украшений, согласна ли она отдаться? Если да, сон сулит что-то хорошее. А если женщина стара, уродлива, бедна или не согласна, такой сон неблагоприятен.

Другую категорию половых партнеров составляют домохозяева, а именно слуги и рабы. Здесь речь идет о прямом владении, и рабы не по аналогии означают богатство, они – его составная часть. Поэтому само собой разумеется, что удовольствие, получаемое во сне от подобного персонажа, указывает на то, что сновидца ждет «наслаждение от своего имущества, которое, вероятно, сделается еще больше и ценнее». Хозяин – в своем праве, он пользуется своей собственностью. Отсюда – благоприятные сны, реализующие статус и законный порядок. Пол партнера, девушка это или юноша, конечно, неважен, – важно, что это раб. Вместе с тем Арте-

мидор отмечает важное различие, которое касается положения сновидца в половом акте: активен он или пассивен? Оказаться во сне «под» своим слугой, перевернув тем самым социальную иерархию, сулит недоброе; это знак того, что претерпишь убыток от этого подчиненного или навлечешь на себя его презрение. И мимоходом – подтверждая, что здесь речь идет не о прегрешении против естества, но о посягательстве на социальные иерархии и об угрозе справедливому соотношению сил, – Артемидор отмечает равным образом негативную ценность снов, в которых сновидцем овладевает его враг или даже собственный брат – неважно, старший или младший (равенство нарушено).

Далее следует группа знакомых. Благоприятен сон, в котором вступаешь в связь с женщиной, которую знаешь, если она не замужем и если она богата, потому что женщина, предлагающая себя, дарит не только свое тело, но и вещи, которые «к телу ее относятся», которые она приносит с собой (платья, украшения и, вообще говоря, все материальные ценности, какими она владеет). Такой сон, однако, не сулит добра, если речь идет о замужней женщине, поскольку она – под властью своего мужа; закон запрещает доступ к ней и карает прелюбодеев; в этом случае сновидцу надо ждать в будущем наказаний такого же порядка. А если снится, что вступаешь в связь с мужчиной? Если это снится женщине (здесь один из редких случаев, когда текст отдельно обсуждает сны женщин), этот сон в любом случае благоприятен, поскольку

ку согласуется с отводимыми женщине естественными и социальными ролями. Но если мужчине снится, что им овладевает другой мужчина, тогда фактором, позволяющим различить положительную или отрицательную ценность такого сна, служит относительный статус партнеров: если снится, что тобой овладевает кто-то старше и богаче тебя, сон благоприятен (сулит подарки); если же активный партнер моложе и беднее или даже только беднее, то сон дурной: это явный знак будущих расходов.

Последняя группа снов, согласных с законом, касается мастурбации. Эти сны очень тесно связаны с темой рабства, поскольку речь в них идет об услуге, которую оказываешь сам себе (руки выступают как слуги, повинующиеся требованиям господина – члена), и поскольку слово, означающее «поставить», а именно раба к столбу для порки, равным образом подразумевает получение эрекции [ἐντείνω]•. Один раб, которому приснилось, что он мастурбирует своему хозяину, в реальной жизни был потом приговорен этим хозяином к порке. Итак, мы видим очень большой разброс того, что «согласно с законом»: сюда относятся как супружеские отношения, связи с любовницей, так и соитие с другим мужчиной, активное или пассивное, и, кроме того, мастурбация.

2. В свою очередь, сфера того, что Артемидор рассматривает как «противное закону», по сути ограничивается ин-

цестом³⁸. И сам инцест понимается опять-таки в очень узком смысле отношений между родителями и детьми. Что до инцеста с братьями и сестрами, то он, если случается между братом и сестрой, подводится под категорию отношения «отец – дочь»; связь же между двумя братьями Артемидор, кажется, сам не знает, в какой раздел отнести – κατὰ νόμον или παρὰ νόμον. Во всяком случае, он упоминает ее под обеими рубриками.

Когда отцу снится, что он вступает в связь с дочерью или сыном, это практически всегда означает недоброе. Причины здесь могут быть чисто физическими: если ребенок совсем мал (от пяти до десяти лет), физический вред, наносимый ему подобным действием, может предвещать его болезнь или смерть. Если ребенок старше, такой сон всё равно недобрый, поскольку изображает невозможные или губительные отношения. Получить сексуальное наслаждение с собственным сыном, «вложить» в него свое семя – бесполезное действие, пустая трата, не сулящая никакой выгоды и, следовательно, предвещающая большие денежные потери. Соединение с сыном, когда тот уже совсем взрослый, – неизбежно недоброе предзнаменование, учитывая, что отец и сын не могут бесконфликтно сосуществовать под одной крышей, на территории, где оба стремятся командовать. Только в одном случае

³⁸ • У Артемидора действительно игра слов (χειροτονεῖν δὲ τὸ αἰδοῖον и ἐνετάθη, пассив от ἐντείνω), но Фуко немного путается, поскольку не προσδεθεῖς κίονι передает здесь как «attacher au poteau», а именно ἐντείνω. Артемидор. Сонник. I. 79–80.

такого рода сон – к добру: когда отец пускается в путешествие вместе с сыном и, значит, имеет с ним общую цель; но если отец в таких сновидениях оказывается в пассивной роли (неважно, кто сновидец – сын или отец), это сулит пагубные последствия: иерархический строй, полюса господства и активности перевернуты. Сексуальное «обладание» отца сыном предвещает вражду и конфликт³⁹. Сон о соитии с собственной дочерью для отца тоже не сулит ничего хорошего. Либо это «вложение» в тело дочери, которая однажды выйдет замуж и унесет к другому мужчине отцовское семя, предвещает серьезные денежные потери; либо, если дочь уже замужем, соединение с нею предвещает, что она уйдет от мужа, вернется под родительский кров и придется тратиться на ее содержание. Лишь в одном случае такой сон благоприятен – когда отец беден: дочь может вернуться от мужа богатой и, стало быть, способной содержать отца⁴⁰.

Это может показаться странным, но инцест с матерью (который Артемидор всегда представляет как кровосмешение сына и матери и никогда – матери и дочери) часто оказывается носителем благоприятных предзнаменований. Следует ли заключить отсюда, учитывая Артемидоров принцип

³⁹ Следует, однако, отметить, что, согласно толкованию, приводимому Артемидором (Там же. IV. 4), пенетрация отцом сына с чувством удовольствия означает, что тот будет жить, с чувством страдания – что умрет. В этом случае Артемидор указывает на характер удовольствия как на фактор, определяющий смысл сновидения.

⁴⁰ Артемидор. Сонник. I. 78.

корреляции между прогностической и моральной ценностью сновидения, что инцест с матерью не считается безусловно достойным порицания? Или тут следует видеть одно из предусмотренных Артемидором исключений из провозглашаемого им общего принципа? Нет сомнений, что Артемидор рассматривает инцест между матерью и сыном как акт, достойный осуждения в моральном плане. Но примечательно, что он нередко придает ему благоприятное прогностическое значение, представляя мать как своего рода модель и, скажем так, матрицу очень многих социальных отношений и форм деятельности. Мать – это профессия, поэтому соединиться с нею означает успех и преуспевание в своем ремесле. Мать – это родина, поэтому видящий во сне соединение с нею может надеяться на возвращение в отчизну, если он в изгнании, или же продвижение на политической арене. Наконец, мать – это плодородная земля, откуда все вышли: если кто-то во время судебного процесса видит такой сон об инцесте, он выиграет в суде и получит спорную собственность; если он земледелец, это сулит ему богатый урожай. А вот для больного тут есть опасность: погружение внутрь матери-земли означает, что он умрет.

3. «Противоестественные» действия дают повод к двум последовательным уточнениям в тексте Артемидора. Одно касается отклонения от установленной природой позы (это место служит дополнением к толкованию снов об ин-

цесте); другое касается отношений, в которых противоестественный характер полового акта определяется самим «естеством» партнера⁴¹.

Артемидор исходит из принципа, что природой установлена определенная форма полового акта для каждого вида. одна и только одна поза, от которой животные не отклоняются: «одни животные вскакивают друг на друга сзади, как конь, осел, козел, бык, олень и прочие четвероногие; другие сперва соединяются ртами, как змея, голубка и ласка <... > еще другие даже не приближаются друг к другу, а самки собирают семя, выдавленное самцом, как у рыб». Подобным образом и людям от природы присвоена одна определенная поза, а именно мужчина лежит на женщине, лицом к лицу. В этой позиции половое сношение есть акт полного обладания: при условии «покорности» и «согласия» женщины мужчина в этом случае – хозяин «всего тела своей партнерши». Все прочие позы – «изобретения необузданности, невоздержности и угарного бесчинства»•. Все эти неестественные совокупления неизменно предвещают ущербные социальные связи (испорченные отношения, вражду) или же ухудшение экономического положения сновидца (ему «не по себе», он испытывает финансовые затруднения).

Особое внимание среди этих «вариантов» полового акта Артемидор уделяет оральному сексу, выражая бурное осуждение этой формы (подобная оценка многократно засви-

⁴¹ Артемидор. Сонник. I. 79–80.

детельствована в Античности⁴²): «неудобосказуемый акт», «моральный грех», представление которого во сне может получить положительную ценность только в том случае, когда отсылает к профессиональной деятельности сновидца (если это оратор, флейтист или преподаватель риторики); напрасное извержение семени – такая практика во сне сулит какую-то пустую трату. Это несогласное с природой соитие, мешающее в дальнейшем целоваться или есть вместе с тем, кто его принимает, – предвестие разрыва, вражды, а иногда и смерти.

Но есть и другие способы отклониться от естества в половых отношениях, а именно в силу самой природы одного из партнеров. Артемидор перечисляет здесь пять возможностей: сношения с богами, с животными, с мертвыми, с самим собой и, наконец, сношения между двумя женщинами. Присутствие двух этих последних категорий актов, идущих против природы, загадочнее всего прочего. Соединение с самим собой не должно пониматься как мастурбация, которая уже была отмечена среди «согласных с законом» действий. При таком противоестественном соитии с собой имеется в виду вот что: введение полового органа в собственную плоть, его целование или взятие в рот. Сны первой из этих разновидностей соития с собой сулят бедность, скудость и страдание;

⁴² • Там же. I. 79: τὰ μὲν ἄλλα σχήματα δι' ὕβριν καὶ ἀκολασίαν καὶ παροιμίαν εὖρον ἄνθρωποι [ср. пер. М. Гаспарова и Б. Зилитинкевича: «люди выдумали все эти позы только в своей изощренности, разнузданности и бесчинстве»]. *Veune P. L'homosexualité à Rome // L'Histoire. Janvier 1981. P. 78.*

второй – появление детей, если их еще нет, или их возвращение, если они в отлучке; третьей – предвещают смерть детей, потерю жен или любовниц (потому что тому, кто может сам себя обслужить, женщины не нужны) или ввержение в крайнюю нищету.

Что касается половых отношений между женщинами, встает вопрос, почему они помещаются в категорию «противоестественных» актов, тогда как отношения между мужчинами распределяются под другими рубриками (в основном среди актов, согласных с законом). Причина этого, безусловно, в той форме полового отношения, которую держит в уме Артемидор, то есть сопряженной с пенетрацией: за счет того или иного ухищрения женщина узурпирует роль мужчины, противоправно занимает его позицию и овладевает другой женщиной. Между двумя мужчинами пенетрация – вирильный акт в чистом виде – не является сама по себе переступанием природы (даже если для того, кто ей подвергается, она может быть сочтена чем-то постыдным или недостойным). Но подобный акт между двумя женщинами, осуществляемый вопреки тому, кем являются та и другая, и при помощи дополнительных хитростей, настолько же противоестественен, как и соитие человека с богом или животным. Увиденный во сне, он предвещает, что женщина окажется поглощена какой-то бесполезной деятельностью, разлучится со своим мужем или станет вдовою. Также совокупление между двумя женщинами может означать сообщение или по-

знание неких женских «секретов».

I. III. Сон и действие

Следует отметить две особенности, которыми характеризуется весь анализ сексуального сновидения у Артемидора. Во-первых, сновидец всегда присутствует в своем сновидении и сексуальные образы, которые расшифровывает Артемидор, никогда не составляют простой и чистой фантазмагии, которую сновидец наблюдает как зритель и которая разворачивается перед его глазами, но независимо от него. Он здесь – всегда участник, причем в роли главного действующего лица; то, что он видит, – это он сам в своей половой деятельности: субъект, видящий во сне некое действие, и субъект снимаемого действия полностью совпадают. Во-вторых, можно заметить, что в своем труде в целом Артемидор достаточно редко трактует половые акты и удовольствия как означаемые или предсказуемые элементы; лишь относительно редко, практически в виде исключения, тот или иной образ, представленный во сне, оказывается предвестием полового акта либо лишения удовольствия в реальности⁴³. В то же время эти акты и удовольствия проанализированы и сгруппированы в трех рассматриваемых здесь главах как компоненты сна и прогностические элементы; практически всегда

⁴³ Как означаемое сновидения сексуальные элементы предстают в таких, например, местах: Артемидор. Сонник. IV. 37; IV. 41; IV. 46; IV. 66; а также: V. 24; V. 44; V. 45; V. 62; V. 65; V. 67; V. 95.

Артемидор помещает их на стороне «означающего» и почти никогда – на стороне «означаемого»: это образы, а не смыслы, представления, а не представляемые события. Артемидорово толкование, таким образом, размещается на линии, ведущей от исполнителя полового акта к сновидцу, двигаясь тем самым от субъекта к субъекту; и, отталкиваясь от полового акта и роли субъекта, каким он представляет самого себя в своем сновидении, толкование это ставит своей задачей расшифровку того, что должно случиться с видящим сон, как только тот проснется и вернется к реальной жизни.

На первый взгляд кажется, что Артемидорова мантика достаточно регулярно разгадывает в сексуальных снах некое социальное значение. Конечно, случается, что такие сны предвещают перемену в состоянии здоровья – болезнь или выздоровление; бывают они и предзнаменованиями смерти. Но гораздо чаще они указывают на такие события, как успех или неуспех в делах, обогащение или обнищание, процветание или невзгоды семьи, выгодное или никчемное предприятие, счастливые браки и злополучные союзы, ссоры, соперничества, примирения, удачу или неудачу в общественной карьере, изгнание, приговор. Сексуальное сновидение предсказывает судьбу сновидца в социальной жизни; исполнитель, каким он выступает на сексуальной сцене сновидения, предвосхищает роль, которая выпадет ему на сценах семейной, профессиональной и политической.

Начнем с того, что этому есть две причины. Первая – со-

вершенно общего порядка: она обусловлена языковой особенностью, которую очень часто использует Артемидор. А именно, в греческом присутствует – как, впрочем, в той или иной степени и во многих других языках – ярко выраженная двойственность сексуального и экономического смыслов некоторых терминов. Так, слово σῶμα, обозначающее тело, вместе с тем относится также к богатствам и собственности; отсюда возможность уравнивания между «обладанием» телом и обладанием богатствами⁴⁴. Οὐσία – это сущность, но и состояние в смысле богатства, а равным образом также семя и сперма: трата семени может означать убыток богатства⁴⁵. Вλάβη, ущерб, может относиться к материальным трудностям, денежным потерям, но и к ситуации жертвы насилия, а также пассивного объекта полового акта⁴⁶. Артемидор обыгрывает также полисемию «долговой» лексики: слова, обозначающие ситуацию должника, обязанного заплатить и ищущего снятия с себя этого бремени, означают также

⁴⁴ Артемидор. Сонник. II. 77. Ср. также IV. 4 о равнозначности обладания в смысле пенетрации и обладания как приобретения. [Фуко ошибается, говоря о переносных значениях σῶμα, и ссылка на Сонник. II. 77 – в пустоту: возможно, имеется в виду I. 78. 57–58, где женщина, предлагающая свое тело, предлагает и «то, что при теле» (τὰ περὶ τὸ σῶμα).]

⁴⁵ Там же. I. 78.

⁴⁶ Там же. Ср. также IV. 66, где сон о превращении в мост предвещает занятие проституцией: «А совсем недавно одному богатому человеку приснилось, что он сделался мостом, и его многие стали презирать и, таким образом, как бы попирать. Если же такой сон увидит женщина или миловидный мальчик, то они, предавшись разврату (πόρνοι γένόμενοι), будут принимать многих».

напор сексуальной нужды, от которой избавляются путем ее удовлетворения. На перекрестке этих смыслов – термин ἀναγκαῖον, который использовался для обозначения мужского члена⁴⁷.

Другая причина обусловлена особенной формой и предназначением книги Артемидора: это книга мужчины, адресуемая прежде всего мужчинам, чтобы те вели свою жизнь как мужчины. Следует помнить, что толкование снов не рассматривается как дело чистого и абстрактного личного любопытства: это конкретная работа, дающая возможность править свою жизнь и быть готовым к событиям, которые должны случиться. И коль скоро ночи возвещают вещи, из которых сложатся дни, неплохо уметь разгадывать сны, имеющие место в жизни, чтобы жить как должно мужчине, хозяину дома, отцу семейства. Такова перспектива книги Артемидора: это руководство для ответственного мужа, хозяина дома, чтобы он вел себя в повседневной жизни с учетом знамений, которые могут ее преобразовать. Значит, в образах сновидений он и пытается обнаружить переплетенную ткань этой семейной, экономической и социальной жизни.

Но это не всё: практика толкования, какую она работает в дискурсе Артемидора, показывает, что сексуальное сновидение как таковое воспринимается, формализуется, анализируется как социальная сцена. И если оно предвещает «что-то хорошее или плохое» в сфере профессиональной деятельно-

⁴⁷ Там же. I. 79; ср. также: I. 45.

сти, имущественной, семейной, политической карьеры, статуса, дружеских и покровительственных связей, то и половые акты, изображаемые в сновидении, слагаются из тех же элементов, что и эта сфера. Если следовать аналитическим процедурам, используемым Артемидором, становится ясно, что толкование сновидений об *афродисиях* в плане социальных успеха или провала, удачи или неудачи предполагает единственность двух этих сфер, причем на двух уровнях: во-первых, на уровне элементов сновидения, принимаемых как материал для анализа, и, во-вторых, на уровне принципов, позволяющих приписать этим элементам некоторый смысл (прогностическую «ценность»).

1. Каковы же те элементы сексуального сна, которые Артемидор выделяет и помещает во главу угла в своем анализе?

Во-первых, это персонажи. Говоря о самом сновидце, Артемидор не заостряет внимания, например, на его прошлом, недавнем или далеком, на его душевном состоянии и вообще на его страстях; ему интересны социальные характеристики сновидца: возрастная категория, к которой он принадлежит; есть ли у него свое дело; занимает ли он какие-то политические посты; хочет ли он поженить или выдать замуж детей; угрожают ли ему разорение, враждебность ближних и т. д. И равным образом как «персонажи» рассматриваются также представляемые во сне партнеры; онейрический мир Артемидорова сновидца населен индивидами, у которых практи-

чески отсутствуют какие-либо физические черты и, кажется, не слишком много аффективных или эротических связей с самим сновидцем. Они предстают просто как социальные профили: молодые, старые (в любом случае они моложе или старше сновидца), богатые или бедные; люди, которые приносят богатства или просят подарков; люди, отношения с которыми лестны или унижительны; вышестоящие, которым пристало уступать, или низшие, которых по праву можно использовать; домочадцы или люди со стороны; свободнорожденные, женщины, подвластные мужу, рабы и профессиональные проститутки.

В отношении же того, что происходит между этими персонажами и сновидцем, сдержанность Артемидора совершенно поразительна. Никаких ласк, никаких треугольников, никакой фантазмагии – всего несколько простейших вариаций вокруг одной базовой формы, а именно пенетрации, каковая, по-видимому, составляет самую суть половой практики – во всяком случае, единственную ее форму, которая заслуживает внимания и имеет смысл при анализе сновидения. Гораздо скорее, чем тело как таковое с его различными частями и чем удовольствие с его качествами и интенсивностями, акт пенетрации оказывается квалификатором сексуальных действий – с несколькими вариантами выбора позы и, главное, с двумя полюсами: активности и пассивности. Вопрос, который неизменно ставит Артемидор при исследовании сновидения, касается направления пенетрации: кто ко-

го? Активен или пассивен грезящий субъект (почти всегда это мужчина)? Тот ли он, кто проникает, господствует, получает удовольствие? Или он – тот, кто подчиняется и оказывается овладеваем другим? Неважно, о чем конкретно идет речь – об отношениях с сыном или отцом, с матерью или рабом, неминуемо поднимается вопрос (разве что имплицитно на него уже дан ответ): как именно осуществлена пенетрация? Или, точнее: какова была позиция субъекта при этой пенетрации? Все эротические сны, включая даже «лесбийские», поверяются именно с этой – и только с этой – точки зрения.

И этот акт пенетрации – средоточие половой деятельности, основное сырье для толкования и смысловое ядро сновидения – сразу воспринимается внутри социальной сценографии. Половой акт Артемидор видит прежде всего как игру выше– и нижестоящего: пенетрация устанавливает для двух партнеров отношение господства и подчинения; это победа для одного, поражение для другого; это право, которое исполняется для одного, и необходимость, навязываемая другому; это статус, который подтверждают, или условие, которому подчиняются; это преимущество, которым пользуются, или принятие ситуации, в которой позволяют другим пользоваться собою. Тут мы подходим к другому аспекту полового акта. Артемидор и его рассматривает как «экономическую» игру расхода и выгоды: выгода заключается в получаемом удовольствии, приятных ощущениях, которые

при этом испытывают; расход – в энергии, которую необходимо потратить в процессе, в трате семени, этой драгоценной жизненной субстанции, и наступающем, как следствие, упадке сил. Гораздо скорее, чем все переменные, которые могли бы быть выведены из любых возможных жестов или сопутствующих им ощущений, гораздо скорее, чем все возможные сцены, которые могли бы быть представлены в сновидении, именно эти элементы, касающиеся пенетрации как «стратегической» игры господства – подчинения и «экономической» игры расхода – выгоды, принимаются во внимание Артемидором для своего анализа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.